

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОУ ВПО «ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Сборник научных трудов

ВЫПУСК III

Барнаул 2009

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*;
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*;
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*;
доктор исторических наук *А.А. Тишкин*;
доктор исторических наук *А.В. Харинский*;
доктор исторических наук *С.А. Яценко*;
кандидат исторических наук *Ю.И. Ожередов*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник научных трудов / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Азбука, 2009. – Вып. III. – 332 с.

ISBN 978-5-93957-363-4

В сборнике представлены результаты изучения мировоззрения народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в разные исторические периоды. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов традиционных обществ, а также религиозно-правовым проблемам. Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

ISBN 978-5-93957-363-4

Сборник подготовлен и издан при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/Г, тема «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии»)

На обложке: антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
I. Религиозные верования и обряды древних и средневековых народов Центральной Азии и сопредельных территорий	
<i>Д.С. Байгунаков</i> Некоторые античные авторы о религиозных представлениях народов Центральной Азии.....	8
<i>М.В. Головизнин</i> «Православно-буддистский диалог» и его культурно-исторические последствия в Южной Сибири XVII–XVIII вв.	19
<i>П.К. Дашковский, Н.Н. Серегин</i> Погребальный обряд тюркской культуры Алтая и некоторые особенности религиозной системы кочевников	36
<i>М.В. Егорочкин</i> Военная идеология древних тюрков (по материалам орхонских и енисейских письменных памятников).....	64
<i>А.В. Запорожченко, К.В. Луговой</i> Индоиранские инициационные ритуалы и их отражение в осетинском нартовском эпосе	77
<i>В.Е. Ларичев</i> Панно изображений богов и «записей» времени: «прочтение» знаково-образных «текстов» святилища Хачурт (реконструкция однолетних и многолетних систем счисления лунно-солнечных циклов в культуре палеометалла Центральной Азии)	87
<i>О.К. Михельсон</i> Феноменология религии и исследование ранних форм культуры.....	105
<i>Ю.И. Ожередов</i> Новая находка Г.Н. Потанина на «Монгольской тропе».....	112
<i>К. Петросян</i> Анимистические представления в верованиях сюнну (по китайским источникам)	122
<i>К.А. Руденко</i> Конь в погребальном ритуале населения Предуралья в VI–IX вв.: восток или запад?	125

Н.И. Рыбаков
«Процессия» – памятник согдийско-енисейских культурно-исторических взаимосвязей..... 137

Ю.Б. Сериков
Шайтанское озеро – «святое» озеро древности 161

II. Современные этноконфессиональные процессы и традиционные верования народов Южной Сибири и Центральной Азии

В.А. Бурнаков
Медведь и Эрлик-хан как существа высшего порядка в традиционном мировоззрении хакасов 177

Г.Н. Варавина
Погребальная одежда эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.) 182

Б.А. Досова
Новые (нетрадиционные) религии: миссия на территории Казахстана..... 187

Э.В. Енчинов
Имянаречение – первичная социализация ребенка в алтайской культуре 194

В.М. Мендешева
Образ Бай-Ульгения и Аба-Эрлика в традиционном мировоззрении алтайцев..... 200

А.С. Мишукова
Экологический аспект религиозного мировоззрения в культуре тувинцев 207

В.В. Николаев
Христианизация коренного населения предгорий Северного Алтая.... 213

Д.А. Николаева
Архетипы женского культа в традиционной культуре бурят Предбайкалья..... 223

Н.А. Тадина
Обрядовая символика бурханистов 229

И.Н. Трошкина
Трансформация семьи в Хакасии (аксиологический аспект)..... 239

М.С. Уланов
Буддизм в современной России: традиция или модернизация 248

<i>В.В. Ушницкий</i>	
Воинские ритуалы и обряды якутов: илбис Түгэри (обряд вселения духа кровожадности в воина).....	252
<i>Н.И. Шутова</i>	
Типы и разновидности деревенских святынь Камско-Вятского региона в XVII–XX вв.....	260
<i>Т.С. Ябыштаев</i>	
Об этнических маркерах алтайцев в свете реконструкции мировоззренческой системы	272
III. Религия и политика в государствах Центральной Азии	
<i>А.С. Жанбосинова</i>	
Эволюция законодательно-правовой политики государства в отношении религиозного культа в 20-е гг. XX в.	279
<i>Р.В. Новожеев</i>	
Атрибуты власти в кочевых социумах средневековья.....	291
<i>Р.Ш. Нуриден</i>	
Конфессиональная политика Казахстана	296
<i>Р.Ю. Почекаев</i>	
Особенности формирования правовых воззрений кочевников Центральной Азии.....	301
<i>Э.Г. Торушев</i>	
Новая политика по отношению к религии в Горном Алтае (20–30-е гг. XX в.)	312
<i>М.Ш. Шарифов</i>	
Восточная идеократическая государственность.....	317
Список сокращений	324
Сведения об авторах	325

Leeuw van der G. Religion in Essence and Manifestation. A Study in Phenomenology // Classical Approaches to Study of Religion: Aims, Methods, and Theories of Research. Paris, 1973. P. 412–425.

Otto R. Religious Essays // Classical Approaches to Study of Religion: Aims, Methods, and Theories of Research. Paris, 1973. P. 447–459.

Söderblom N. The Living God: Basal Forms of Personal Religion // Classical Approaches to Study of Religion: Aims, Methods, and Theories of Research. Paris, 1973. P. 381–389.

Ю.И. Ожередов

Томский государственный университет;

Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского

**НОВАЯ НАХОДКА Г.Н. ПОТАНИНА
НА «МОНГОЛЬСКОЙ ТРОПЕ»**

Интенсивность изучения археологического наследия Монголии в последние годы значительно выросла даже в сравнении с советским периодом. Усилиями монгольских и зарубежных специалистов проводятся самые разные исследования, в том числе в области мировоззрения древних и традиционных обитателей горностепной зоны этого огромного региона. Одним из важных достижений последнего времени стало открытие большого числа памятников, характеризующих погребально-поминальные представления разных культур и периодов монгольской истории. Многообразие форм и содержания ритуальной практики отправления в потусторонний мир является очередным свидетельством не только этнокультурной многоликости, но и разнообразием традиций, а вслед за тем представлений о мироустройстве и месте в нем человека. Вместе с тем с новой стороны, но не всегда в полной мере востребованные в этой сфере научных исследований вдруг открываются уже известные источники, создавая тем самым новые возможности для интерпретации, казалось бы, уже устоявшихся понятий о структурах и содержании древних и традиционных мировоззрений кочевников Центральной Азии.

Близкое знакомство с трудами путешественников и ученых начальной поры русского изучения азиатских территорий показывает, что особенности фиксации полевых находок того времени не всегда адекватно и с необходимой точностью воспринимаются исследователями новых поколений. Следствием этого стала недооценка или полное игнорирование отдельных объектов прошлого, отраженных в сочинениях авторов досоветского периода. Причин тому можно назвать достаточно много, но в данном случае хочется сказать лишь об одной из них.

Старшее поколение исследователей использовали в своих работах метрические понятия, вышедшие с приходом советской власти из повсеместного, в том числе и научного употребления, и оказавшиеся за преде-

лами обыденного понимания. А это в свою очередь привело к тому, что утратилось восприятие истинных характеристик объектов, открытых и изученных в предшествующую пору. Таким образом, из сферы должного внимания современных ученых выпали произведения прошлого, достоинства которых состоят не только или не столько в форме и качестве выделки, но и в параметрах.

Примером более чем векового забвения в археологии Монголии стал древнетюркский поминальник с двумя изваяниями в ограде, расположенный на правом берегу Ховда. Следует сразу оговориться, что открытие данных фигур, помимо их собственной научной и культурной значимости, представляет огромный интерес с точки зрения истории российской науки в Монголии. Дело в том, что их первооткрывателем стал Г.Н. Потанин, описавший памятник в ходе своего путешествия по Монголии 1876–1877 гг. Судя по дневниковым записям, открытие произошло 14 ноября 1877 г. по дороге из Улангома в Кобдо (Потанин Г.Н., 1881, с. 67, табл. IX, фиг. 26; 1949, с. 184–185). Г.Н. Потанина сопровождала супруга Александра Викторовна, выполнявшая в экспедиции обязанности художника, рисунками которой в дальнейшем были проиллюстрированы сочинения ученого. Потанин придавал этой стороне дела столь большое значение, что перед своей первой монгольской экспедицией отправил художнику И.И. Шишкину письмо с просьбой «снабдить советами Александру Викторовну» о приобретении кистей и красок, которые «нужны для срисовывания этнографических предметов и рыб, ящериц и других животных, теряющих свой цвет по смерти. А также может быть иногда вздумается набросать вид какой-нибудь, интересный в геологическом отношении, с ледником или т.п.» (цит по: Зарины В. и Е., 1950, с. 22). Опубликованные зарисовки археологических объектов выполнены в черно-белом исполнении, но не исключено, что были и цветные их варианты.

Примечательно, что на территории Западной Монголии это уже вторая за последние годы находка тюркской скульптуры, некогда открытой великим путешественником. Аналогичное открытие случилось в 1990-е гг. усилиями другой международной археологической экспедиции в Баян-Ульгийский аймаке северо-западной части Монгольского Алтая (Кубарев Г.В., Якобсон Э., Цэвээндорж Д., 2000, с. 76).

Памятник обнаружен на территории современного сомона Эрдэнэ-Бурэн Ховдского аймака, где путешественник описал ряд археологических объектов, встреченных им близ горы Торх-Улан (Красная бочка) дислоцированной на правом берегу крупнейшей в Западной Монголии р. Ховд (у Г.Н. Потанина – гряда Торхула или Торхулан). В этом месте почтовый тракт пересекал довольно широкое (130 шагов) и глубокое русло реки, где была устроена переправа с шестью лодками и почтовая станция Улым. Перевоз содержали два дюрбютских хошуна, отбывая тем самым натуральную повинность (Потанин Г.Н., 1881, с. 67; 1949, с. 185). Примеча-

тельно, что русское присутствие на этом берегу имеет еще одну страницу. По сведениям монгольских информаторов, часть побережья именовалась «русский берег», чем обязано русским рыболовецким артелям, облюбовавшим его для промысла.

На достаточно ограниченном участке исследователь зафиксировал большую группу насыпей и 10 изваяний (кишачило), в том числе два тюркских, которым дал общую характеристику и привел изображение одного из них (Потанин Г.Н., 1881, с. 66–68, Т. IX; 1949, с. 185, 187). Вместе с тем описание и рисунок одного из них (стоящего на своем месте (рис. 1.-1) содержат неточности и недочеты, которые были выявлены в 2008 г. Второе и вовсе описано фрагментарно из-за того, что в те времена лежало лицом вниз.

При осмотре скульптур прежде всего заметны необычно крупные габариты, являющиеся их главной особенностью, не замеченной современными исследователями из текста Г.Н. Потанина. В силу библиографической редкости издания, в котором путешественник опубликовал свою находку, и необходимости прямого сравнения старого и нового описаний памятника, цитируем текст полностью: «...Из них 6 штук расположено у западной подошвы в трех группах; северная группа состоит из двух; один стоит вертикально (фиг. 26), другой уронен. Длина лежащего 20 четвертей, ширина 4 четверти; тех же размеров и стоящий. Оба, как и кишачило остальных групп, имеют вид плит, так что толщина столбов не более четверти. Оба с изображениями; стоящий обращен лицом на восток; туда же, вероятно, был обращен лежащий, потому что он лежит головой на восток и лицом к земле. У стоящего изображены на лице брови, глаза и рот вдавленными чертами; голова отделена от туловища вдавленной полосой; плечи едва выступают от головы, ушей не изображено, выше лба вдавленной полосой отделяется шапка, но верхушка ее отбита. В середине высоты кишачило под бородой изображены руки, держащие сосуд; каждая рука изображена двумя параллельными вдавленными линиями, упирающимися в сосуд; пальцев не изображено. Сосуд имеет круглое брюхо и узкое горло. Ниже рук вдавленная полоса изображает пояс. У лежащего столба шапка имеет вид плоского придатка над лбом, который имеет до 2 четвертей высоты. Изображения на его лицевой стороне нельзя было видеть, потому что камень лежит лицом книзу; сбоку можно было видеть только выдающиеся рельефно лоб и нос» (Потанин Г.Н., 1881, с. 67). На рисунке изваяние установлено на постамент в форме квадратной плиты, которая не упомянута в описании.

Памятник вновь был обследован в 2008 г. российско-монгольской экспедицией в ходе сплошного обследования территории сомона с целью фиксации и первичного изучения археологических памятников для внесения их в базу данных Института исследования Монгольского Алтая, орга-

низовавшего работы по подготовке многотомного Свода археологических памятников Ховдского аймака.

Несмотря на то, что рисунок А.В. Потаниной не слишком точен, отображенная на нем скульптура вполне узнаваема и сразу привлекла к себе наше внимание. Публикуемые объекты обнаружены под северным склоном горы Торх-Улан в нижней части долины, внедрившейся в тело горы с севера ($48^{\circ} 19' 14,0''$ с.ш.; $91^{\circ} 45' 14,3''$ в.д. и 1176 м над уровнем мирового океана).

В ходе осмотра было установлено, что изваяния входят в состав поминальника, имеющего несколько конструктивных элементов (рис. 1.-2). Прежде всего это прямоугольная двухсекционная ограда общей длиной 440 см с тах шириной 212 см, выполненная из длинных красногранитных камней, установленных на ребро в мелкозернистый песок серо-розового цвета, и ориентированная по линии ССВ–ЮЮЗ (с отклонением от севера на $25\text{--}30^{\circ}$). К сожалению, стенки сохранились фрагментарно, поэтому полного видения реальной ограды нет. Секции объединены единой перемычкой между долевыми стенками и отличаются индивидуальными параметрами. Северная камера имеет ориентировочные размеры 214×112 см, а примыкающая к ней южная соответственно 226×175 см. У них обеих практически отсутствует восточная стена, поэтому о реальных очертаниях и границах оградок судить довольно сложно.

К северо-востоку и юго-востоку от условных углов оградок располагаются три кольцевые выкладки: в первом случае примерно в 150 см две из них следуют одна за другой через 75 см: первая диаметром 100, вторая – 110 см. Во втором случае кольцевая выкладка диаметром 95–100 см находится примерно на таком же удалении от головы лежащего изваяния. Первые две насчитывают по семь камней, последняя только шесть, но похоже, и седьмой был здесь, на что указывает крупный разрыв в северной стенке кольца. Судя по имеющимся в литературе мнениям, выкладки такого рода служили объектами поминальных ритуалов.

Изваяния сохранились в положении, в котором застали их Потанины: первое в северной ограде в вертикальном положении, второе – в горизонтальном в соседней южной ограде, в пределах которой осталась нижняя часть поваленной скульптуры. Со временем поза второй скульптуры кардинально изменилась, теперь она лежит на спине. Но как заметил Г.Н. Потанин, фигура повалена в сторону, куда прежде была ориентирована лицом, т.е. в восточном направлении. Эта ее позиция сохранилась неизменной. Однако вслед за указанным выше отклонением ограды от линии С–Ю, скульптура была также ориентирована не точно на восток, а на юго-восток-восток. Туда же лицом ориентирована и стоящая фигура.

Оба изваяния, в противовес краснокаменной ограде, выполнены из крупных плит светло-серой породы, внешне напоминающей гранит, но отличающейся слабой плотностью, ведущей к рыхлости. Первое вытесано

в форме, имеющей сходство с челноком, сужающимся в обе стороны, а второе выполнено в виде прямого столба с легким сужением к основанию. Рыхлость материала стала причиной большинства нарушений поверхности. Особенно сильно температурные и осадочные воздействия отразились на лежащей скульптуре, утратившей былую заглаженность обработанной поверхности. С правой стороны вниз от пояса до подножия отсутствует крупный фрагмент обработанной поверхности.

Изображения на фигурах переданы рельефом или контррельефными гладкими линиями разной ширины и глубины. Из-за естественных нарушений не все они фиксируются в полной мере, что сказалось на возможности полного прочтения изобразительных текстов скульптур. Для более точного воспроизведения деталей был применен метод копирования на микалент, позволивший выявить или уточнить отдельные плохо различимые фрагменты изображений.

В образном и художественном отношении изваяния однотипны. Их отличает одинаково скромное художественное решение, не обремененное лишней детализацией. Портретируемые замерли в строго вертикальной позе с руками, согнутыми в локтях несколько выше пояса. В сомкнутых кистях удерживаются шаровидные сосуды.

Головы в обоих случаях выделены от туловищ контррельефной изогнутой вниз линией шириной 5 см. Внизу каждая из них имеет мысовидный отросток длиной порядка 10 см при ширине до 12 см, возможно, символизирующий горловой разрез плечевой одежды. Лица заметно расширяются сверху вниз и заканчиваются тупоугольным мысовидным завершением с обозначением, вероятно, бороды. Глаза и нос переданы рельефом в традиционной Т-образной форме. Поверхность лба заметно возвышается над остальной плоскостью лица (до 2 см). Контурные овалы в плане глаз выделены контррельефными линиями. Также в обоих случаях показан рот и усы у второй фигуры. Уши у обеих фигур не отмечены. Плечи выделены лишь у первой фигуры (5 см), вторая практически прямая. Руки в обоих случаях абсолютно непропорциональны массивным туловищам и крупным головам. Они показаны слабым рельефом как второстепенные детали. Пальцы (4) проявились только в одном случае на микалентной копии правой руки второй фигуры.

На головы портретируемых надеты своеобразные уборы, названные Г.Н. Потаниным «шапки». На самом деле это предметы одежды иного типа. Детали убранства наплечной одежды в обоих случаях отсутствуют. Предположительно воинская экипировка сохранилась лишь на вертикальной скульптуре. В том и другом случае в руках изображены ритуальные сосуды. У первой фигуры он хорошо различим, что отметил еще Г.Н. Потанин, а у второй очень слабо проявился лишь на эстампе.

Изваяние 1 (рис. 1.-3). Возвышается над современной поверхностью на 278–280 см. Учитывая, что для удержания в вертикальном положении

такой высокой скульптуры она должна быть врыта в грунт не менее чем на 50 см, ее полный рост, вероятно, достигает 330 см или несколько больше. Кроме того, добавлением к «росту» была ныне обломленная вершина головного убора, видимо, аналогичного сохранившемуся на голове лежащей фигуры, высота которого составляет 29 см. Ширина туловища варьирует от 50 см у основания до тах показателя в 68–74 см у плеч и в центре, где отмечено максимальное расширение корпуса, имеющего в плане вид «челнока», сужающегося вверх и вниз от середины. Толщина изменяется от 18 см сверху и внизу до 26 см в области пояса.

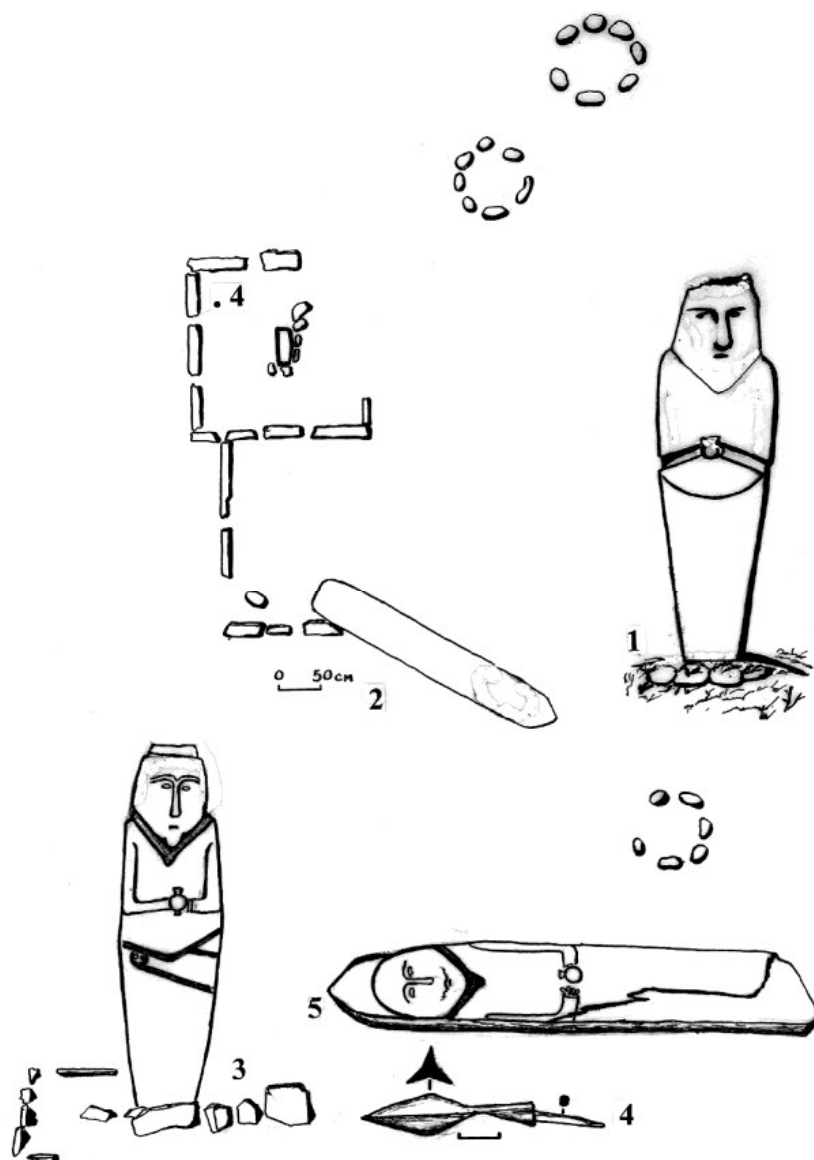

Рис. 1. Поминальный торх-улан – 1:
 1 – изваяние I (по: Г.Н. Потанину); 2 – план; 3 – изваяние № 1;
 4 – наконечник стрелы; 5 – изваяние № 2

Голова с остатками головного убора выделена массивным пятигранным в плане блоком высотой 65–68 см. Безусое лицо, заметно расширяющееся к скулам, достигает 52 см ширины. Правая его сторона выглядит

несколько шире, чем левая, что вносит дисбаланс в изображение. На подбородке явственной выпуклостью просматривается аккуратная борода типа эспаньолки. Непропорционально тонкие руки выделены контурными линиями: фиксируемая длина до локтевого сустава у правой 43 см при ширине 9 см, у левой – 37 см при ширине 7 см. Длина от локтевого сустава до кисти, соответственно 34 и 25 см при ширине 7–8 см. Кисти рук просматриваются плохо, пальцы не видны.

Человек обеими руками держит шаровидный ритуальный сосуд с высоким расширяющимся горлом и таким же по форме, но меньшим по размеру, поддном-подставкой снизу. Параметры сосуда вполне могут соответствовать реальному изделию (высота 17, диаметр 10 см). Горловина высотой 5 см слабо расширяется вверх от 4 до 5 см; поддон высотой 3 см расширяется вниз от 2,5 до 3 см у обреза. Сосуды такой формы широко известны у ранних тюрков в качестве поминальных предметов, изготовленных, как правило, из драгоценных металлов.

Пояс воина показан на лицевой стороне сплошной круто изогнутой вниз контррельефной полосой шириной 2 см. На эстампе удалось проследить еще ряд деталей. Слева от основной линии пояса под углом к ней отходит небольшой, возможно, портупейный ремень, а ниже справа налево от пояса наискось вниз прослеживается еще одна полоса примерно такой же ширины как сам пояс. Есть ли основание трактовать ее как подвешенное к поясу оружие (меч, палаш, сабля), сказать сложно, так как не выявлено никаких деталей, характеризующих ее с этой стороны. Не исключено, что это еще один портупейный ремень, под верхним окончанием которого очень слабо просматривается овальное углубление, возможно, символизирующее какую-то поясную подвеску.

В этом же месте у пояса обозначился овальный контур с размерами приблизительно 10x12 см. Изнутри под верхним обрезом просматриваются две «жемчужины» диаметром 3–5 см. При внимательном рассмотрении можно понять, что здесь показана поясная сумочка типа «каптаргак» (Килуновская М., Семенов В., 2006, с. 90). По сведениям ряда ученых, такие сумочки изготавливались из кожи или китайского шелка, носили их на правом боку, на поясе, а их лицевая сторона иногда закрывалась металлической накладкой, оснащенной маленькими пряжечками. Они служили для хранения огнива с трутом, шила, маленького ножичка, напильника для подточки наконечников стрел и клинкового оружия (Евтюхова Л.А., 1952, с. 110; Кызласов Л.Р., 1981, с. 56), а также, возможно, талисманов и других ценных мелких предметов. В ходе раскопок в этих сумках находили зубы человека и животных, деревянные пирамидки и другие вещицы (Евтюхова Л.А., 1952, с. 110; Кубарев Г.В., 2005, с. 58–59). По данным Л.А. Евтюховой (1952, с. 110, рис. 17.-2; 45.-1), внешний контур шелковых и кожаных поясных сумочек, тюрки декорировали орнаментальной каймой. Точно так же Л.Р. Кызласов (1979, с. 123, рис. 86.-1) в свое время отметил на тюрк-

ском изваянии VI–VIII вв. в Туве мешочек «с украшением в виде парной валюты».

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой выпуклости «жемчужины» на сумочке – не пряжки и не орнаментальный декор, а отражение контура валютовидных выступов сечковидной накладной железной пластины-облицовки или собственно овального кресала, оснащенного сумочкой с клапаном для хранения трута и кресальных камней (Сунчугашев Я.И., 1979, с. 127, табл. XXII, XXIII.-3, 4). Г.В. Кубарев (2005, с. 56, рис. 15.-5, 36) называет такой вариант «сумочка-кресало» с кожаным «карманом» на лицевой стороне, прикрытым клапаном. Сумочка-кресало крепилась к поясу с помощью пряжки на металлической накладке в центре. Не исключено, что оба варианта могли одинаково сосуществовать и не являться взаимоисключающими способами оформления поясных сумок тюркских воинов раннего средневековья. Подтверждением тому стали еще две находки из Западной Монголии. В 2008 г. в долине Цагаан-Бургаз сомона Ховд было изучено изваяние, сумочка которого оформлена в манере, свойственной сумочке-кресалу (Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А.Ю., 2008, с. 161). А в 2002 г. в Увс аймаке на р. Шивер-гол нами было исследовано изваяние, у которого очень четким рельефом показана сумочка с иной системой крепления накладного клапана: узкий ремешок пересекает его сверху вниз и крепится в пряжку (Ожередов Ю.И., 2005, с. 40, рис. 1). Конструктивно близкий образец рассмотрен в работе Г.В. Кубарева (2005, с. 58), который отличает его от сумочек с накладными пластинами или с кресалом в основании. Судя по изображению, последние относятся к принципиально иному виду, не связанному с внешним обозначением кресала даже при условии его хранения внутри.

На рисунке, опубликованном Г.Н. Потаниным в 1881 г., изваяние стоит на каменном постаменте, а в советском издании подножие окружает выкладка из плоских камней. Сейчас подножие покрыто песком, на котором в ряд лежат несколько разноформатных обломков красного гранита. Возможно, постамент утрачен или скрыт песком, легко перемещающимся под напором ветра.

В ограде первого изваяния подобран небольшой (6 см) железный листовидный трехлопастной боеголовковый наконечник с упором (рис. 1.-4). По данным В.В. Горбунова (2006, с. 44, рис. 29.-23), наконечники стрел такого типа бытовали в среде кыргызов, сросткинцев и тюрков в IX–XI вв.

Изваяние 2 (рис. 1.-5). В отличие от первого, фактически плоского, данное изваяние имеет сильно выпуклую внешнюю сторону. Обратная сторона уплощена.

Полный рост с головным убором составляет 320 см при тах ширине 54–56 см и толщине 30 см. Максимальная ширина зарегистрирована у границы головы и туловища. Плечи в рельефе практически не выражены.

Непропорционально крупная голова обособлена от туловища контурной полосой с мысовидным выступом. Вместе с головным убором она достигает в высоту 77 см, а в ширину 54–55 см. Лицо достаточно хорошо проработано, но из-за повреждений поверхности нечетко виден контур левого глаза. В отличие от первого, данный персонаж имеет усы, обозначенные причудливой резной линией, с приподнятыми и изогнутыми кончиками. Рот также отмечен короткой резной линией. Руки, как и у первого, непропорционально тонкие (6,5–8 см): длина от плеча до локтя 52 см правая и 48 см левая, от локтя до кисти – соответственно 37 и 28 см. Пространство между кистями рук сильно корродировано, но на эстампе проявились контуры кисти правой руки с четырьмя растопыренными пальцами и слабый контур, как представляется, сосуда с шаровидным корпусом и конической горловиной, расширяющейся вверх. Высота последнего 12 см, диаметр 5,5 см, высота и ширина верхнего обреза горловины одинаково равняются 5 см.

Самобытной особенностью данной скульптуры стал ее головной убор с высоким щитком, увенчанным подтреугольным навершием. При ширине в 40 и высоте 29 см данный образец реалистично демонстрирует одну из форм раннетюркских головных уборов. По мнению ряда исследователей, наиболее распространенным головным убором тюрков являлась небольшая шапочка типа тубетейки, а высокие уборы могут рассматриваться как атрибуты знати (Кубарев Г.В., 2005, с. 46). К первому типу низких шапочек весьма подходит головной убор первой фигуры. Однако уже Г.Н. Потанин (1881, с. 67) отметил, что «шапка» этого персонажа обломлена, подразумевая, возможно, что некогда она была такой же, как на лежащей фигуре.

Интересно, что головной убор несколько сдвинут со лба к середине головы, напоминая тем самым не «шапку», а скорее венец или «венчик» с высоким лицевым щитком. Подобного рода изделия известны в женских захоронениях кочевников Саяно-Алтая и Западной Сибири периодов раннего и позднего средневековья (Тишкин А.А., 2007, с. 155–159). Вместе с тем было бы вполне логично предположить, что подобные уборы ведут генезис из предшествующего тюркского времени. Однако в нашем случае такое объяснение вряд ли подходит, так как тюркские изваяния данного региона признано считать мужскими. К такой же мысли склоняет и изображение усов на лице данного изваяния. В силу того, что головной убор торхуланской фигуры не имеет прямых аналогов, судить о его семантике и статусе владельца пока преждевременно.

На современном уровне знаний почти невозможно оценить культурно-хронологическую принадлежность тюркских изваяний только на основании визуального исследования. Однако отдельные шаги в этом направлении уже сделаны и это обнадеживает высказать некоторые предположения, базирующиеся на иконографии фигур. В частности, речь идет о том,

что изваяния без оружия, с сумочками-каптаргаками, головными уборами и с сосудами, удерживаемыми в обеих руках, связывают с литопластикой уйгуров периода их гегемонии в Центральной Азии (Килуновская М., Семенов В., 2006, с. 90). Косвенным подтверждением именно такой периодизации нашего поминальника служит наконечник стрелы из ограды первого изваяния, который вполне укладывается в рамки времени последнего этапа уйгурского господства и тем самым суживает дату до IX в.

Представленные в настоящей работе изваяния на сегодняшний день лидируют своими габаритами во всем статуарном наследии средневековых тюрков, а следовательно, не только привлекают внимание, но и вызывают вопросы о причинах столь декларативной нестандартности. На данном этапе изучения, безусловно, известно пока только то, что ответы на эти вопросы кроются в сфере мифологизированных представлений о сакральной сущности воинов и их особой роли в жизни общества. В связи с таким отношением особо выдающиеся личности заслуживали максимально возможных форм почитания, что отразилось во всех формах семейной и общественной жизни, в том числе в погребально-поминальной обрядности. Таким образом, резюмируя сказанное, можно предполагать, что торхуланские скульптуры установлены в память людей не просто отличившихся в ряду сограждан, но и заслуживающих особого почитания в силу наивысшего социально-иерархического статуса или выдающихся военных заслуг. Как правило, два эти пункта достоинств совмещались и дополнялись духовной составляющей, придавая таким людям ореол всемогущества во всех его проявлениях.

В заключение позволим сделать предположение о том, что в недалеком окружении от поминальника могут располагаться и собственно захоронения тех знаменитых личностей, которым он посвящен. У подножия горы Торх-улан международной экспедицией зафиксировано порядка 440 насыпей. По всей видимости, они различаются как в хронологическом, так и в культурном отношении. Следовательно, следующим этапом работ должны стать их систематизация и отбор именно тех объектов, которые действительно могут скрывать останки выдающихся деятелей тюркского (уйгурского?) мира Западной Монголии.

Библиографический список

- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. №24. С. 72–120.
- Зарины В.и Е. Путешествия А.В. Потаниной. М., 1950.

Килуновская М. Дворец уйгурского кагана / М. Килуновская, В. Семенов // Наследие народов Российской Федерации. Тува. Сокровища культуры. М., 2006. Вып. 7. С. 86–91.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая. Новосибирск, 2005. 400 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. 207 с.

Ожередов Ю.И. Тюркское изваяние на Шиверийн гол в Западной Монголии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Улан-Удэ, 2005. С. 39–41.

Ожередов Ю.И. Тюркское изваяние в долине Цаган Бургас / Ю.И. Ожередов, Ч. Мунхбаяр, А.Ю. Ожередова // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. С. 159–165.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского Географического общества. Вып. I: Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С.З. Монголии. СПб., 1881.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического общества. Вып. II: Материалы этнографические. СПб., 1881.

Потанин Г.Н. Путешествие по Монголии. М., 1949.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979.

Тишкин А.А. Металлические украшения женских головных уборов монгольского времени // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 155–159.

К. Петросянс

Латвийский университет, г. Рига

АНИМИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ВЕРОВАНИЯХ СЮННУ (по китайским источникам)

Исследование верований древних народов, не имевших собственной системы письменности, всегда чрезвычайно сложно. Так, обстоит дело и с древним кочевым народом *сюнну*. Их держава в период своего расцвета во II в. до н.э. простиралась на территории трех современных государств, таких как Китай (авт. район Внутренняя Монголия), Монголия, Россия (территория Забайкалья). В арсенале исследователя религии *сюнну* имеются китайские письменные источники, а также материалы археологических исследований. Если материалы китайских источников скупы на описание верований кочевников, то археологический материал, дающий представление о захоронениях *сюнну*, продолжает расти.